

Жизнь Пушкина

ТАЙНА ПУШКИНА

«ДИПЛОМ
РОГОНОСЦА»

И ДРУГИЕ
МИСТИФИКАЦИИ

ВЛАДИМИР
КОЗАРОВЕЦКИЙ

Жизнь Пушкина

Владимир Козаровецкий

**Тайна Пушкина.
«Диплом рогоносца» и
другие мистификации**

«Алисторус»

2012

Козаровецкий В. А.

Тайна Пушкина. «Диплом рогоносца» и другие мистификации / В. А. Козаровецкий — «Алисторус», 2012 — (Жизнь Пушкина)

Книга раскрывает мистификаторский талант Пушкина, благодаря которому поэту удавалось оберегать свои честь и достоинство. В результате наши представления о его происхождении и смерти, многих поступках и фразах, о содержании его главных произведений до сих пор держатся на инициированных им самим мифах. Книга построена на документально подтвержденных фактах, на произведениях и переписке Пушкина и свидетельствах современников поэта. Как и во всем, чего бы он ни касался, Пушкин был гением и в своих мистификациях.

© Козаровецкий В. А., 2012

© Алисторус, 2012

Содержание

Благодарность	5
О литературной мистификации[1]	7
Пушкинская тайна	8
I	8
II	10
III	13
IV	16
V	19
VI	20
Глава 1	21
I	21
II	24
III	26
IV	29
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Владимир Козаровецкий Тайна Пушкина. «Диплом рогоносца» и другие мистификации

Благодарность

Эта итоговая книга не смогла бы состояться без участия, без помощи духовной и практической, многих, с кем, в той или иной степени, меня сводила жизнь – *«что оказалась длинной»* – на разных этапах моих почти 30-летних раздумий над судьбой и творчеством Пушкина. Моя благодарность им всем.

Моему лучшему другу, поэту и мыслителю Валентину Лукьянову – бытие рядом с ним в течение многих лет, начиная с поры совместной армейской службы и вплоть до его смерти в 1987 году, не только формировало мои взгляды и определило мой выбор в жизни и мои приоритеты в литературоведении, но и оделило счастьем общения с большим талантом и мощным духом, масштаб которого многим современникам еще не очевиден – хотя я уверенно предсказываю: его признание не за горами.

Моим талантливым друзьям, с которыми я начинал свой долгий литературный путь, – прозаику Анатолию Михайлову и уже ушедшим поэтам Александру Алшутову и Владимиру Ежову и художнику Анатолию Цюпе, каждый из которых не мог не внести в мой опыт духовного постижения Пушкина существенную часть своего, неизбежно отозвавшегося и в этой книге.

Корифеям современной пушкинистики Александру Лацису и Альфреду Баркову, с которыми мне повезло успеть сблизиться при их жизни и памяти которых я также отдаю дань этой книгой.

Академику РАН Николаю Петракову, чья книга «Последняя игра Александра Пушкина» стала для меня образцом научного подхода к анализу текстов и поступков поэта.

Литературному критику Льву Аннинскому, чье стремление быть независимым и в отношении к Пушкину неизбежно делает нас союзниками.

Моей жене, Вере Козаровецкой, ставшей первым терпеливым читателем и честным критиком моих статей, во всех их бесчисленных вариантах.

Всем моим талантливым друзьям, которые поддерживали меня в казавшейся безнадежной борьбе за признание нового взгляда на жизнь и творчество Пушкина, – пушкинисту Владимиру Сайтанову и композитору и правозащитнику Петру Старчику; режиссеру Евгению Славутину и лингвисту Леониду Портеру, также недавно скончавшемуся; историку Сергею Дашкову и архитектору Наталье Пахомовой; прозаикам Виктору Гусеву-Рощинцу и Алексею Биргеру, Сергею Алову и Александре Спаль; бардам Владимиру Бережкову, Веронике Долиной и недавно ушедшему Виктору Луферову; замечательным современным ученым Ильдару и Таймазу Перевозским и Наталье Родиной.

У нас не принято хвалить журналистов; между тем, окидывая взглядом недавнее прошлое, нетрудно заметить, сколь много было сделано для отечественной культуры за это 20-летие газетой «Московский комсомолец», главному редактору которой Павлу Николаевичу Гусеву я особенно благодарен: именно «МК» не только поместил развернутую рецензию на первое издание восстановленного мною текста сказки А.Пушкина «Конек-Горбунок», но и напечатал в одну из последних годовщин гибели поэта большой материал о дуэли и смерти Пушкина, после публикации которого в понимании этих событий спекуляции уже не могут иметь прежнего успеха.

Именно журналисты сделали для меня возможным продвижение взглядов упомянутых классиков современной пушкинистики, и я благодарен всем им, принявшим в этом участие.

Редакторам газет «Новые известия» и «Русский Курьер» – Сергею Агафонову и недавно скончавшимся Игорю Голембиовскому и Отто Лацису, открывшим дорогу моим первым крупным пушкинским публикациям.

Редакторам: «Литературной газеты» – Юрию Полякову, «Литературной России» – Вячеславу Огрызко, «Независимой газеты» – Константину Ремчукову, «Новой газеты» – Дмитрию Муратову, проявившим нонконформизм и строптивую независимость от официальной пушкинистики при рецензировании и публикациях моих статей о Пушкине.

Редактору журнала «Литературная учеба» Максиму Лаврентьеву, предоставившему страницы журнала для серии моих статей и для свободной полемики с пушкинистами.

TV-каналам «Совершенно секретно» и «Культура», показавшим мои интервью и фильм о пушкинской мистификации со сказкой «Конек-Горбунок».

Из поддерживавших меня *«можно составить город»*; но я благодарен и пушкинистам, докторам филологических наук Валентину Непомнящему и Ирине Сурад, кандидату филологических наук Ольге Мельник и профессору Леониду Аринштейну, академику Николаю Скатову и составителю «Летописи жизни и творчества А.С.Пушкина» Надежде Тарховой – за их открытое, искреннее и непримиримое сопротивление высказывавшимся мною взглядам и положениям, заставлявшее меня исправлять ошибки, оттачивать аргументацию и постоянно искать строго научный подход при анализе пушкинских поступков и текстов.

Мы знаем и слышим об этом со всех сторон: нельзя исказить историю. Но Пушкин – это наше национальное достояние, судьба и творчество Пушкина и есть наша настоящая, реальная история, и ее искажение столь же опасно, как и искажение истории страны. А потому я и впредь буду благодарен за любую помощь и поддержку в продвижении и утверждении современного, объективного подхода к изучению жизни и творчества Пушкина и за любую сколь угодно яростную критику моих взглядов: *«пока мне рот не забил глиной, из него раздаваться будет лишь благодарность»*.

В. Козаровецкий

О литературной мистификации¹

Литературная мистификация является самостоятельным, синтетическим видом искусства.

Литературная мистификация – коллективная игра, ведущаяся сразу и в жизни, и в литературе.

Литературная мистификация тем интереснее, чем больше участников принимает участие в игре.

Предметом успешной литературной мистификации может быть только значительное художественное произведение.

Одна из главных задач литературной мистификации – скрыть ее причину.

Литературная мистификация вводит в заблуждение большинство современников и, следовательно, допускает нарушения этики.

Литературная мистификация всегда обращена в будущее.

Мистификаторы, как правило, оставляют «ключи» для ее разгадки, но не оставляют прямых документальных свидетельств мистификации.

Литературная мистификация требует сугубо аналитического подхода при ее исследовании.

Литературная мистификация считается состоявшейся, когда она разгадана.

Литературная мистификация становится тем значительнее, чем дольше остается неразгаданной.

Настоящая литературная мистификация никогда не может быть разгадана «до конца».

¹ Этой теме автором посвящена специальная статья (см., например, <http://www.litrossia.ru/2012/16/06995.html>, а также <http://www.poezia.ru/article.php?sid=92883> и <http://www.poezia.ru/article.php?sid=92886>).

Пушкинская тайна

Я... изыскивал истину с усердием и излагал ее без криводушия, не стараясь льстить ни Силе, ни господствующему образу мыслей.

А.Пушкин

Единственное созидание – разрушение иллюзий.

В.Лукьянов

Нет ничего возможнее невероятного.

В.Лукьянов

I

Кажется, ни у кого не вызывает сомнения: Пушкин – гений. Во всяком случае, у тех, для кого русский язык – родной. Мы все воспитаны на его сказках, на его стихах и прозе, он создал язык, на котором мы говорим, пишем и думаем – и даже если он создавал его не один, он был во главе этой литературы, задавал ей тон и направление. Он весь разлетелся на цитаты, строки из пушкинских стихов и его выражения – что называется, «на языке», на слуху, стали идиомами, элементами нашего языка и нашей культуры. Мы читаем и перечитываем его произведения в самом разном возрасте, каждый раз находя в нем отклик нашим чувствам и мыслям. Ну, а те, кто не читал Пушкина сверх школьной программы, вполне доверяют сложившимся представлениям о пушкинской гениальности и уважают его, не читая: Пушкин – гений, и все тут.

Вместе с тем, несомненно, что есть в наших представлениях о Пушкине и некий привкус тайны, нечто, не поддающееся ни объяснению, ни определению, – и не потому ли количество книг, написанных и пишущихся о нем, таково, что в этом он уступает только Шекспиру – самому таинственному мировому гению. Если глубина большинства стихов зрелого Пушкина и поддается анализу, то главные его большие произведения до сих пор вызывают недоуменные вопросы: интуитивно мы ощущаем пушкинскую гениальность, но внятно ответить на вопрос, в чем она, не можем. В самом деле, ну что ж такого гениального в «Евгении Онегине», если понимать его так, как нам преподносят его в школе, с этой стандартной трактовкой Евгения Онегина как «лишнего человека» и «вечной, верной любви» Татьяны Лариной? Ну да, там есть замечательные стихи, кто ж их не помнит наизусть еще со школьной скамьи – «Зима! Крестьянин, торжествуя...», «Москва! Как много в этом звуке...», «Я вам пишу, чего же боле...» и т.п. И это все? А где же пушкинская мудрость? Где же писательская гениальность? Неужели следует принимать как кредо гения банальные сентенции вроде «Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей...» или «Врагов имеет в мире всяк, Но от друзей спаси нас, Боже!...»? Образы в романе рассыпаются (это общее место у всех крупных пушкинистов), повествование оборвано, замысел неясен.

В письме к Пушкину после публикации Первой главы романа А.А.Бестужев писал: «Дал ли ты Онегину поэтические формы, **кроме** стихов?» (Здесь и далее везде, кроме специально оговоренных случаев, выделенный полужирный курсив – мой. – В.К.)

«Твое письмо очень умно, но все-таки ты неправ, – отвечал ему Пушкин, – все-таки ты смотришь на “Онегина” **не с той точки...**» Так, может, и мы смотрим на роман – и на Пушкина – «**не с той точки**»? Может, мы из-за этого до сих пор не поняли замыслов Пушкина и, воспринимая их воплощение только на интуитивном уровне, не можем добраться до истинной глубины его произведений, до пушкинской **Тайны**?

«Нет загадки более трудной, более сложной, чем загадка Пушкина... Очень многое у Пушкина – *тайна* за семью замками», – сказал поэт Арсений Тарковский. Известный пушкинист Н.К.Гей писал: «Время убедительно показало, что сам феномен пушкинского творчества далеко выходит за пределы “окончательных” решений. Большие трудности возникают на уровне аналитических подходов, скажем, к “*Медному всаднику*”, “*Борису Годунову*”, *даже к “Памятнику”*, не говоря уже о пушкинской прозе. Казалось бы, все они исследованы “вдоль и поперек”, но вы чувствуете, что неведомое вновь отодвигается и нечто существенное, а может быть и *главное*, по-прежнему остается незатронутым... Объект исследования настолько труднодоступен, что общий результат здесь гораздо ниже, чем в работах о Толстом, Достоевском, Чехове... Природа пушкинских свершений остается невыявленной, “закрытой”...»

Между тем А.И.Рейтблат в своей книге «*Как Пушкин вышел в гении*» (М., НЛО, 2001), подводя итог изучению поставленного ее заглавием вопроса, ответил на него так:

«В переломный для русской литературы момент Пушкин использовал для приобретения известности и славы как уходящие в прошлое, во многом архаичные средства (поддержка дружеского круга и литературных обществ, покровительство власти), так и новые, связанные с появлением публики и общественного мнения (рецензии в периодике; вызывающее поведение как форма привлечения внимания; коммерческий успех и т.п.). Все это позволило Пушкину закрепиться на первом месте и стать к началу 1830-х гг. общепризнанным главой русской литературы».

В этом перечне Рейтבלата удивляет вторичность описываемых признаков. Уж если перечислять причины широкой известности Пушкина, то в первую очередь следовало бы отметить, с одной стороны, удивительно полное совпадение интересов молодого Пушкина, выразившихся в его стихах, и его *поколения*: «...Все не напечатанные произведения: *Деревня*, *Кинжал*, *Четырехстишие к Аракчееву*, *Послание к Чаадаеву* и много других были не только всем известны, – вспоминал впоследствии И.Д.Якушкин, – но в то время не было сколь-нибудь грамотного прапорщика в армии, который не знал их наизусть. Вообще *Пушкин был отголосок своего поколения, со всеми его недостатками и со всеми добродетелями*».

С другой стороны Пушкин выделялся и тем, что писал звучно и выразительно, с небывалой до него живостью языка и необыкновенной естественностью стихотворной речи. В «*РУС-ЛАНЕ И ЛЮДМИЛЕ*» русская поэзия, может быть, впервые стала достоянием самых широких читающих кругов России.

Своим ответом Рейтблат фактически отказывает Пушкину в истинной гениальности, хотя выбранные им временные рамки анализа давали ему и другую возможность. Да, поведение Пушкина, загадочность его характера действительно увеличивали его популярность. Но ведь «к началу 1830-х» были уже опубликованы не только его романтические поэмы, но и весь «*ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН*», и «*ПОЛТАВА*», и «*ЦЫГАНЫ*», и «*БОРИС ГОДУНОВ*», и маленькие трагедии. Именно гениальность Пушкина – при всех прочих условиях, описанных Рейтблатом, – позволила Пушкину «выйти в гении» и в литературном, и в общественно-социальном плане: свою внешнюю необычность, исключительность Пушкин постоянно подтверждал исключительностью своего творчества, своей сущностной и всеобщей гениальностью. И, как показало время, в этой гениальности стержневым оказался его характер с неодолимой и постоянной *страстью к мистификации*, как в жизни, так и в творчестве.

II

Предположим, мы правы, и Пушкин действительно был литературным мистификатором; но в таком случае в его характере должны были иметь место черты, соответствующие этому мистификационному дару. *«Стиль – это человек»*, – когда-то сказал Бюффон, имея в виду, что *стиль – это характер*. И если мистификаторский талант Пушкина и в самом деле был так велик, эти, соответствующие ему черты характера должны были проявляться на протяжении всей жизни и не могли остаться незамеченными. Пушкинское творчество и дошедшие до нас свидетельства его современников это подтверждают: Пушкин был *остроумцем и проказником*.

В самом деле, не каждый остроумец – мистификатор, но мистификатор обязан быть мастером двусмысленностей, что, собственно, и значит быть остроумцем. Пушкинское остроумие общеизвестно и не нуждается в иллюстрациях: его двусмысленности до сих пор являются предметом исследования, а его скрытые шутки обнаруживают и в наши дни. *Пушкин был блестящим мастером двусмысленностей*. Но был ли Пушкин таким ярко выраженным проказником?

Эта черта – далеко не редкость, в детские годы она проявляется у многих, но редко кто сохраняет ее и в молодости и тем более – в зрелые годы. Пушкин в детстве, судя по всему, и был таким проказником. Е.П.Янькова, бывавшая в доме Пушкиных и не раз видевшая маленького Сашу, в подтверждение своих наблюдений приводила слова бабушки Пушкина, Марьи Алексеевны Ганнибал: «Бабушка, как видно, больше других его любила, но журила порядком: “Ведь экой *шалун* ты какой, помяни ты мое слово, не сносить тебе своей головы”». П.И.Барте-нев сообщает нечто сходное: «На седьмом году Пушкин сделался развязнее, и прежняя неповоротливость перешла даже в резвость и *шаловливость*».

Со слов бывшей помощницы няни у Пушкиных:

«Раз Ольга Сергеевна (*сестра Пушкина*) нашалила что-то, прогневала мамашу, а та по щеке ее и треснула. А она обиделась, да как? Мамаша приказывает ее прощение просить, а она и не думает, не хочет. Ее в затрапезное платьице одели, за стол не сажают, на хлеб, на воду и запретили братцу к ней даже подходить и говорить. А она, – повешусь, говорит, а прощения просить не стану! А Александр-то Сергеевич что же придумал: разыскал где-то гвоздик, да и вбивает в стенку. “Что это, спрашиваю, вы делаете, сударь?” “Да сестрица, говорит, повеситься собирается, так я ей гвоздик приготовить хочу”. Да и засмеялся – известно, понял, что она капризничает да страшит нас только. Уж такой удалой да вострый был».

Среди первых проказников Пушкин был и в лице; отзыв Ф.П.Калинича (учителя чистописания):

«Да что он вам дался – *шалун* был, и больше ничего!»

Из воспоминаний И.И.Пущина:

«...Я, Малиновский и Пушкин затеяли выпить Гогельмогелю. Я достал бутылку рому, добыли яиц, натолкли сахару, и началась работа у кипящего самовара. Разумеется, кроме нас, были и другие участники в этой вечерней пирушке, но они остались за кулисами по делу, а в сущности один из них, именно Тырков, в котором чересчур подействовал ром, был причиной, по которой дежурный гувернер заметил какое-то необыкновенное оживление, шумливость, беготню. Сказал инспектору. Тот, после ужина, всмотрелся в молодую свою команду и увидел что-то взвинченное. Тут же начались спросы, розыски. Мы трое явились и объявили, что это наше дело, и что мы одни виноваты».

Из «Записок» Ф.Ф.Вигеля:

«На выпуск... из лицея молодого Пушкина смотрели члены “Арзамаса”, как на счастливое для них происшествие, как на торжество. ...Особенно же Жуковский... казался счастлив, как будто бы сам бог послал ему милое чадо. Чадо показалось мне довольно *шаловливо и необузданно*...»

П.И.Бартенев со слов В.П.Горчакова:

«Пушкин, вышедши из Лицея, очутился в таком положении, в каком часто находятся молодые люди, возвращающиеся под родительский кров из богатых и роскошных учебных заведений; тут еще примешивалась мелочная скупость отца, которая только раздражала Пушкина. Иногда он довольно зло и оригинально издевался над нею. Однажды ему случилось кататься на лодке, в обществе, в котором находился и Сергей Львович. Погода стояла тихая, а вода была так прозрачна, что виднелось самое дно. Пушкин *вынул несколько золотых монет, и одну за другой стал бросать в воду*, любуясь падением и отражением их в чистой влаге».

А.И.Тургенев – кн. П.А.Вяземскому, 28 августа 1818 г.:

«Пушкин здесь – *весь исшалился*...»

А.И.Тургенев – кн. Вяземскому, 26 августа 1819 г.:

«Из Царского села свез я ночью в Павловское Пушкина. Мы разбудили Жуковского. *Пушкин начал представлять обезьяну и собачью комедию* и тешил нас до двух часов утра...»

А.И.Тургенев – кн. Вяземскому, 25 февраля 1820 г.:

«Пушкин почти кончил свою поэму... Теперь его знают только по мелким стихам и по *крупным шалостям*».

Из воспоминаний А.М.Фадеева:

«В Екатеринославе (1820 г. – В.К.) Пушкин, конечно, познакомился с губернатором, который однажды пригласил его на обед. Приглашены были и другие лица, дамы... Это было летом, в самую жаркую пору. Собрались гости, явился *Пушкин*, и с первых же минут своего появления *привел все общество в большое замешательство необыкновенною эксцентричностью своего костюма: он был в кисейных панталонах, прозрачных, без всякого исподнего белья*».

Д-р Е.П.Рудыковский. Встреча с Пушкиным (1820):

«По прибытии генерала в город (Н.Н.Раевского с семьей и Пушкиным в Горячеводск. – В.К.), тамошний комендант к нему явился и вскоре прислал книгу, в которую вписывались имена посетителей вод. Все читали, любопытствовали. После нужно было книгу возвратить и вместе с тем послать список свиты генерала. За исполнение этого взялся Пушкин. Я видел, как он, сидя на куче бревен, на дворе, с хохотом что-то писал, но я ничего и не подозревал. Книгу и список отослали к коменданту.

На другой день, во всей форме, отправляюсь к доктору Ц., который был при минеральных водах.

– Вы лейб-медик? Приехали с генералом Раевским?

– Последнее справедливо, но я не лейб-медик.

– Как не лейб-медик? Вы так записаны в книге коменданта; бегите к нему, из этого могут выйти дурные последствия.

Бегу к коменданту, спрашиваю книгу, смотрю: там в свите генерала вписаны – две дочери, два сына, лейб-медик Рудыковский и *недоросль Пушкин*.

Насилу я убедил коменданта все это исправить, доказывая, что я не лейб-медик и что Пушкин не недоросль, а титулярный советник, выпущенный с этим чином из Царскосельского лицея. Генерал порядочно пожурил Пушкина за эту шутку».

В Кишиневе – из воспоминаний М.М.Попова (чиновника III отделения):

«Пушкин не изменился и на Юге: был по-прежнему умен, ветрен, насмешлив и беспрестанно впадал в проступки, как ребенок. Старик Инзов любил его, но жаловался, что ему *с этим шалуном столько же хлопот, сколько забот по службе*».

Из воспоминаний И.П.Липранди:

«...Армянин, коллежский советник Артемий Макарович Худобашев, ...человек лет за 50, чрезвычайно маленького роста, как-то переломленный на бок, с необыкновенно огромным носом, гнусивший и беспощадно ломавший любимый им французский язык... в “Черной шали” Пушкина принял на свой счет “армянина”. Шутники подтвердили это, и он давал понимать, что он действительно кого-то отбил у Пушкина. Этот, узнав, не давал ему покоя и, как только увидит Худобашева (что случалось очень часто), начинал читать “Черную шаль”. Ссора и неудовольствие между ними обыкновенно оканчивались смехом и примирением, которое завершалось тем, что Пушкин бросал Худобашева на диван и садился на него верхом (*один из любимых тогда приемов Пушкина с некоторыми и другими*), приговаривая: “*Не отбивай у меня гречанок!*” Это нравилось Худобашеву, воображавшему, что он может быть соперником».

Из воспоминаний П.В. Дыдицкой:

«Пушкин был... добрый, хороших правил, а только *шалун*».

Из воспоминаний Е.Ф.Тепляковой:

«Какая-то молдавская барыня любила снимать свои башмаки, садясь на широкий молдавский диван. Пушкин подметил эту склонность барыни и стащил однажды ее башмаки, вытащив их тростью. Когда нужно было встать, то барыня, не найдя башмаков и не желая поставить себя в неловкое положение, прошла в чулках до дверей, где Пушкин возвратил ботинки по принадлежности, *извиняясь в нечаянно совершенном поступке*».

Из воспоминаний И.П.Липранди:

«*Попугая*, в стоявшей клетке, на балконе *Инзова*, *Пушкин выучил* одному *бранному молдаванскому слову*. В день Пасхи 1821 года преосвященный Дмитрий Сулима был у генерала; в зале был накрыт стол; благословив закуску, Дмитрий вышел на балкон, за ним последовал Инзов и некоторые другие. Полюбовавшись видом, Дмитрий подошел к клетке и что-то произнес попугаю, а тот встретил его помянутым словом, повторяя его и хохоча. Когда Инзов проводил преосвященного, то с свойственной ему улыбкой и обыкновенным тихим голосом своим сказал Пушкину: “Какой ты *шалун*! Преосвященный догадался, что это твой урок”. Тем все и кончилось».

III

С Юга началась пушкинская переписка, и Пушкин быстро сообразил, что куда *забавнее дурачить* не только друзей, но и *публику*: если обычная проказа смешила несколько человек и становилась достоянием узкого круга, то литературные проказы печатью утысячались, а, главное, давали ему возможность веселиться, наблюдая за реакцией на них «из-за угла». Пушкин становится *литературным проказником*. То он мистифицирует А.А.Бестужева и Ф.В.Булгарина, а через них – читателей (см. главу «*Искать ли женщину?*»), заставляя их гадать по поводу адресатов его южной любовной лирики; то нагнетает в письмах всем подряд сомнения в возможности преодолеть цензуру «*ЕВГЕНИЕМ ОНЕГИНЫМ*», с этой точки зрения – совершенно невинным (см. главу «*Миф о пушкинском демоне*»), продолжив этот розыгрыш и в письмах из Михайловского, вплоть до момента пересылки в Петербург Первой главы романа. И все это – на фоне грандиозной онегинской мистификации, которую он разворачивает, начиная с пересылки брату рисунка к задуманной эпиграмме («*Вот перешед чрез мост Кокушкин...*»; см. главу «*Кто написал “ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА”*»). Одновременно, в надежде вырваться из ссылки, он мистифицирует родных, друзей, рижского хирурга и самого императора «аневризмом», который якобы держит его на грани жизни и смерти, а в переписке с А.Н.Вульфом обсуждает возможность сбежать из страны, шифруя тему побега «покупкой коляски» – и т.д. и т.п.

Он постоянно должен кого-то разыгрывать, и если нет под рукой адресата для литературного розыгрыша, он возвращается к натуральным – и в 1820-е, и даже уже и в 1830-е годы, после женитьбы.

Из воспоминаний М.И.Осиповой о времени ссылки в Михайловское (в передаче М.И.Семевского):

«Каждый день, в часу третьем пополудни, Пушкин являлся к нам из своего Михайловского... Приходил, бывало, и пешком, доберется к дому тогда совсем незаметно; если летом, окна бывали раскрыты, он влезет в окно... Что? Ну, уж, батюшка, *в какое окно влезал, не могу указать*; мало ли окон-то? *Он, кажется, во все перелазил...*»

П.В.Анненков (из книги «Материалы для биографии А.С.Пушкина»):

«Московская его жизнь (речь идет о второй половине 1820-х – В.К.)... была *рядом забав* и вместе рядом торжеств».

Из воспоминаний М.М.Попова:

«...Пушкин... был первым поэтом своего времени и первым *шалуном*».

Из воспоминаний о вечерах в салоне княгини Зинаиды Волконской (Л.Н.Обер, «Мое знакомство с Пушкиным»):

«На этих вечерах любимую забавой молодежи была игра в шарады. Однажды Пушкин придумал слово; для второй части его нужно было представить переход евреев через Аравийскую пустыню. Пушкин взял себе красную шаль княгини и сказал нам, что будет изображать «*скалу в пустыне*». Мы все были в недоумении от такого: живой остроумный Пушкин захотел вдруг изображать неподвижный, неодушевленный предмет. Пушкин взобрался на стол и покрылся шалью. Все зрители уселись, действие началось. Я играл Моисея. Когда я, по уговору, прикоснулся жезлом (роль жезла играл веер княгини) к «скале», Пушкин вдруг высунул из-под шали горлышко бутылки, и струя воды с шумом полилась на пол. Раздался дружный хохот и зрителей, и действующих лиц».

Из воспоминаний И.А.Арсеньева:

«...Бывало, приедет к нам и тотчас отправится в столовую, где я с братом занимался рисованием глаз и носов или складыванием вырезных географических карт. Пушкин, первым делом, находил нужным испортить нам наши рисунки, нарисовав очки на глазах, нами нарисованных, а под носами черные пятна, говоря, что *теперь у всех насморк*...»

Из воспоминаний П.В. и В.А.Нащокиных (в записи П.А.Бартенева):

«Они (Нащокины. – В.К.) жили у Старого Пимена, в доме Иванова. Напротив их квартиры жил какой-то чиновник рыжий и кривой, жена у этого чиновника была тоже рыжая и кривая, сынишка – рыжий и кривой. Пушкин для шуток вздумал волочиться за супругой и любовался, добившись того, что та стала воображать, будто действительно ему нравится, и начала кокетничать. Начались пересылки: кривой мальчик прихаживал от матушки узнать у Александра Сергеевича, который час и пр. Сама матушка с жеманством и принарядившись прохаживала мимо окон, давая знаки Пушкину, на которые тот отвечал *преуморительными знаками*».

Существует несколько свидетельств современников, что Пушкин временами (мимикой и жестами) был похож на обезьяну; а вот как он сам это использовал:

«Александр Сергеевич однажды пришел к своему приятелю Н.С.Тимирязеву. Слуга сказал ему, что господа ушли гулять, но скоро возвратятся. В зале у Тимирязевых был большой камин, а на столе лежали орехи. Перед возвращением Тимирязевых домой Пушкин взял орехов, залез в камин и, скорчившись обезьяною, стал их щелкать. *Он любил такие проказы*».

Из воспоминаний кн. Е.О.Палавандова:

В Тифлисе Пушкин «ежедневно производил *странности и шалости*, ни на кого и ни на что не обращая внимания... Пушкин в то время пробыл в Тифлисе, в общей сложности дней, всего лишь одну неделю, а заставил говорить о себе и покачивать многодумно головами не один год потом».

Или из воспоминаний В.А.Нащокиной об уже женатом Пушкине:

«К нам часто приезжала княжна Г., общая “кузина”, как ее все называли, дурнушка, недалекая старая дева, воображавшая, что она неотразима. Пушкин жестоко пользовался ее слабостью и подсмеивался над нею. Когда “кузина” являлась к нам, он вздыхал, бросал на нее пламенные взоры, становился перед ней на колени, целовал ее руки и умолял окружающих оставить их вдвоем. “Кузина” млела от восторга и, сидя за картами (Пушкин неизменно садился рядом с ней), много раз в продолжение вечера роняла на пол платок, а Пушкин, подымая, каждый раз жал ей ногу. Все знали проделки поэта и, конечно, немало смеялись по поводу их. “Кузина” же теряла голову, и, когда Пушкин уезжал из Москвы, она всем, по секрету, рассказывала, что бедный поэт так влюблен в нее, что *расставался с ней со вздохами и слезами на глазах*».

Из воспоминаний Н.И.Куликова о Пушкине и Нащокине – по встречам летом 1833 года:

«Среди “ночного шатания” Пушкин с друзьями, бывало, заходил к наипочтеннейшей Софье Евстафьевне (содержательница дома терпимости. – В.К.), провести остаток ночи с ее компаньонками... Александр Сергеевич, бывало, выберет интересный субъект и начинает расспрашивать о детстве и обо всей прежней жизни, потом усовещивает и уговаривает бросить блестящую компанию, заняться честным трудом – работой, идти в услужение, притом даст

деньги на выход... *Софья Евстафьевна жаловалась на поэта полиции, как на безнравственного человека, развращающего ее овечек».*

Из письма Пушкина к жене в Полотняный Завод в апреле 1834 года:

«...Третьего дня сыграл я славную шутку со Львом Сергеевичем (с братом. – В.К.). Соболевский, будто ненарочно, зовет его ко мне обедать. Лев Серг. является. Я перед ним извинился, как перед гастрономом, что, не ожидая его, заказал себе только ботвинью да beafsteaks. Лев Серг. тому и рад. Садимся за стол, подают славную ботвинью; Лев Серг. хлебает две тарелки, убирает осетрину; наконец требует вина; ему отвечают: нет вина. – Как нет? Александр Сергеевич не приказал на стол подавать. И я объявляю, что с отъезда Натальи Николаевны я на диете – пью воду. Надобно было видеть отчаяние и сардонический смех Льва Сергеевича, который уже ко мне, вероятно, обедать не явится. Во все время Соболевский подливал себе *воду* то в стакан, то в рюмку, то в длинный бокал и потчивал Льва Серг., который чинился и отказывался. Вот тебе *пример* моих невинных упражнений”.

IV

Похоже, мы правы, и Пушкин действительно был проказником в жизни, из чего неизбежно следует вывод, что это не могло не обернуться и проказами литературными. И все же, когда заходит речь о пушкинских мистификациях, первое же возражение, которое я встречаю, это: да ладно, был ли Пушкин и впрямь литературным мистификатором? В самом деле, до последнего времени в пушкинистике о его писательских розыгрышах говорилось мало и вскользь (из наиболее известных – его подделка-pastiche «Последний из свойственников Иоанны д`Арк», которая была опубликована в «Современнике» уже после его смерти и факты и «документы» которой, в том числе и «письмо Вольтера», Пушкиным были выдуманы; следует отметить также статью М.Альтшуллера «Мистификация семейного предания» в его книге «Между двух царей» и книгу Ю.А.Панфилова «Неизвестное стихотворение Пушкина», посвященную исследованию пушкинской мистификации вокруг «диалога с митрополитом Филаретом»), а его собственные стихи о пристрастии к литературным мистификациям обходились стороной и фактически недоуменно замалчивались. Между тем Пушкин в 1834 году писал в беловых октавах «Домика в Коломне», которые он из окончательного текста изъял за их излишней откровенностью – но сохранил, предоставив потомкам возможность догадаться, что он имел в виду:

*Здесь имя подписать я не хочу;
Порой я стих повертываю круто,
Все ж, видно, не впервой я им верчу,
А как давно – того и не скажу-то...*
.....
*Когда б никто меня под легкой маской
(По крайней мере долго) не узнал!
Когда бы за меня своей указкой
Другого критик строго пощелкал!
Уж то-то б неожиданной развязкой
Я все журналы после взволновал!
Но полно, будет ли такой мне праздник.
Нас мало. Не укроется проказник.*

О пушкинских литературных проказах и пойдет у нас речь. Сразу хочу предупредить читателя: эта книга – не плод досужей изобретательности ради спекуляции на всеобщем интересе к Пушкину. Она вся построена на работах пушкинистов и на фактах из жизни Пушкина, на его произведениях и переписке – меньше всего я был озабочен фантазиями на тему и старался держаться как можно ближе к документам. Я только излагал общеизвестное под определенным углом зрения, а если мне приходилось отвечать на вопросы, которые возникали в процессе изложения, то я считал для себя необходимым отвечать на них, не делая вид, что их не существует, и руководствовался своими представлениями об историческом контексте жизни и творчества Пушкина, также опирающимися на работы наших лучших пушкинистов. Поэтому читатель не узнает из этой книги **новых фактов; новизна**, да и то относительная, – только **в общей точке зрения**. Лучшей иллюстрацией к сказанному будет следующий же абзац: суть не в фактах, о которых в нем пойдет речь, они общеизвестны – во всяком случае, все они известны пушкинистам. Дело в том, чтобы взглянуть на эти факты с точки зрения, которая даст возможность показать их взаимосвязь и неслучайность.

Поступив по окончании лицея на службу в Иностранную Коллегию, под начало графа Каподистриа, который с помощью шифров переписывался с греческими патриотами, Пушкин осваивает тайнопись, а на Юге, вступив в масонскую ложу, изучает нумерологию и тайный масонский символический язык. Будучи под постоянным и пристальным наблюдением власти и цензуры, он до самой смерти использует приемы шифровки и мистификации: придумывает произведения, якобы принадлежащие известным писателям или являющиеся переводами с других языков; меняет даты у стихов, чтобы их нельзя было привязать к определенным событиям; публикует свои произведения анонимно или под чужими именами, оставляя потомкам лишь «косвенные улики»; вписывает опасные для его времени записи среди записей других лет, для чего оставляет в дневниках и рабочих тетрадях пустые места и даже страницы; среди черновых набросков, не предназначенных для печати, вписывает верноподданнические строки для отвода глаз соглядатаев III отделения; шифрует строфы из «уничтоженной» 10-й главы *«ЕВГЕНИЯ ОНЕГИНА»*, шифровальный ключ вписывает в хозяйственную тетрадь, а в опубликованной статье как бы мимоходом замечает, что у поэта важно все – даже хозяйственные записи; собственные шутки записывает «под прикрытием»: «N сказал...», а в разговорах бросает заранее продуманные двусмысленные фразы, рассчитанные на то, чтобы вводить в заблуждение и одновременно быть записанными; под видом переписки о приобретении коляски или о предстоящей женитьбе выясняет возможность выезда за границу. В пушкинской переписке до самого последнего времени не были различены мистификационные приемы, и сегодня заставляющие пушкинистов неверно оценивать целые периоды жизни поэта и мотивы многих его поступков, а записи его дневника без понимания того, что он практически весь написан *в ироничном тоне*, зачастую трактуются в противоположном имевшемуся в виду смысле – и т.д. и т.п.

В наше время исследованием пушкинских литературных «проказ» раньше других систематически стал заниматься *Александр Александрович Лацис* (1914 – 1999); ему и принадлежит честь открытия и первого доказательства *пушкинского авторства сказки «Конек-Горбунок»*. Помимо этого *Лацис расшифровал часть 10-й главы «Евгения Онегина»* и раскрыл еще несколько пушкинских мистификаций.

«Пушкиноведческие детективы» Лациса были опубликованы в 90-е годы, главным образом в пушкинской газете «Автограф», но книга при жизни так и не вышла: его «расследования» встретили дружное сопротивление государственной пушкинистики. С ним никто не спорил в открытой печати, его открытия просто замалчивались. Издать ее удалось только через четыре года после его смерти (А.Лацис, «Верните лошадь!», М., 2003), и до сих пор вокруг нее – заговор молчания пушкинистов, как и вокруг сборника его недавно переизданных избранных статей (А.Лацис, «Персональное чучело», М., 2009).

Более 10 лет назад на Украине вышла книга *Альфреда Николаевича Баркова* (1940 – 2004), в которой *«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»* рассматривается как мениппея с рассказчиком – антагонистом Пушкина, с обилием двусмысленностей и мистификационных моментов (А.Барков, «Прогулки с Евгением Онегиным», Тернопіль, 1998); в России книга до сих пор не издана. Трактовка Баркова отвечает на все накопленные пушкинистикой вопросы по поводу пушкинского романа, до сих пор остававшиеся неотвеченными, объясняет его кажущиеся слабости и показывает, что это законченное и глубокое произведение и по замыслу, и по исполнению.

Более того, книга Баркова предлагает ключ к пониманию замысла и других произведений Пушкина (*«ПОЛТАВА»*, *«ГРАФ НУЛИН»*, *«МЕДНЫЙ ВСАДНИК»*, *«ПОВЕСТИ БЕЛКИНА»* и др.), а *«ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН»*, как это выводится из его понимания структуры романа, – не просто гениальное, но и *самое современное*, буквально *злободневное художественное произведение в русской литературе всех времен*. О книге – гробовое молчание, в том числе и тех наших теоретических журналов, которые должны были бы заинтересоваться ею в первую очередь, – «Вопросы литературы» и «Новое литературное обозрение».

Одновременно с книгой Ладиса вышла книга **Николая Яковлевича Петракова** «Последняя игра Александра Пушкина» (М., 2003; второе, расширенное издание, под названием «Загадка ухода», вышло в 2005 году), в которой им раскрыта пушкинская мистификация, литературная и жизненная, связанная с содержанием и авторством так называемого «диплома рогоносца», – итог его многолетних размышлений над событиями преддуэльного периода жизни поэта. Железная логика книги Петракова не оставляет сомнений в том, что **«диплом» был написан и разослан самим поэтом.**

В том же 2003 году была издана книга **Татьяны Ивановны Бусловой** «Тайна Дон Кихота» (второе издание должно было выйти в 2009 году), в которой приведен результат не только расшифровки упрятанной в роман Сервантесом с помощью масонского символического языка автобиографии писателя (шифровка была вынужденной, масоны преследовались инквизицией) – но и результат **разгадки пушкинской тайнописи в двух его сказках: «О царе Салтане» и «О мертвой царевне».** С помощью того же масонского символического языка Пушкин зашифровал в них историю деятельности масонского ордена в России в XVIII и XIX веках соответственно (хронологию в датах); при этом трактовка исследовательницей **«диплома рогоносца»** подводит нас к тому же пониманию этого документа, какое ему придает и Петраков.

В 2005 году вышла книга **Валерия Алексеевича Чудинова** «Тайнопись в рисунках Пушкина», где им исследовано около 500 рисунков поэта и показано, что в большинстве случаев рисунки предшествовали стихам, а не (как принято считать) наоборот, и что **пушкинской тайнописью** в них **иногда скрывалась неожиданная** для сегодняшних исследователей **информация.**

Все эти открытия существенно меняют не только наши взгляды на отдельные этапы жизни и творчества Пушкина и на его характер, но и на все творчество в целом; как оказалось, нами не прочтены главные произведения Пушкина – а это значит, что по-настоящему не поняты и его роль в нашей культуре и, следовательно, – в нашей сегодняшней жизни.

V

На первый взгляд, этот информационный взрыв произошел на пустом месте: можно подумать, будто до последних 10 – 15 лет никто ничего о мистификаторском таланте Пушкина не ведал и не писал. Это не так: из ничего что бы то ни было и не возникает. На самом деле вся полуторавековая история пушкинистики – в той или иной степени история разгадок пушкинских тайн, а вся современная пушкинистика базируется на работах плеяды замечательных исследователей пушкинской жизни и творчества; вот неполный перечень пушкинистов, только *первого ряда*, вклад которых в изучение жизни и творчества Пушкина невозможно переоценить и без классических работ которых не могли бы состояться открытия перечисленных выше современных пушкинистов: П.В.Анненков, П.И.Бартенев, Д.Д.Благой, С.М.Бонди, Н.Л.Бродский, Б.И.Бурсов, В.Э.Вацуро, В.В.Вересаев, В.В.Виноградов, Г.О.Винокур, М.О.Гершензон, Н.О.Лернер, Ю.М.Лотман, Б.С.Мейлах, Б.Л. Модзалевский, В.В.Набоков, Ю.Г.Оксман, В.И.Саитов, Б.В.Томашевский, Ю.Н.Тынянов, И.Л.Фейнберг, М.А.Цявловский, Т.Г.Цявловская, В.Б.Шкловский, П.Е.Щеголев.

Сделанное этими пушкинистами огромно: проведена тщательная текстологическая работа, разобраны и изданы все пушкинские рукописи и рисунки, уточнены и продолжают уточняться тексты; в разных вариантах неоднократно изданы Собрания его сочинений и пушкинская переписка; издан «Словарь языка Пушкина» и собрана «Летопись жизни и творчества Пушкина», где его жизнь расписана по дням, а иногда и по часам; постоянно издаются сборники его стихов и прозы, драматургии и критики; изданы сборники пушкинских крылатых выражений и пушкинских эпиграмм, многочисленные критические разборы его произведений и всевозможные сборники статей о роли Пушкина в нашей культуре; проанализирован состав пушкинской библиотеки и изучено влияние на него каждого упомянутого им писателя; изданы сборники «Пушкин в жизни» и «Пушкин в воспоминаниях современников», путеводители по «Пушкинскому Петербургу» и «Пушкинским местам», книги о пушкинских дуэлях и его «тоске по чужбине», о его масонстве и его суевериях, о его женщинах и его карточных долгах; написаны исследования о каждом из заслуживающих внимания друзей Пушкина и из его окружения, о его родных, предках и потомках – и т.д. и т.п. Разумеется, не могли пройти пушкинисты и мимо многочисленных пушкинских загадок, и если не все было ими разгадано, одной из главных причин этому до последнего времени была первоочередность стоявших перед пушкинистикой задач по собиранию и прочтению пушкинских текстов.

Но есть причина и другого рода. Для расшифровки литературных мистификаций требуется аналитический подход, незашоренное мышление, научная смелость подвергать сомнению даже кажущееся очевидным, и в этой области литературы люди сторонних наук оказались в выигрышном положении по сравнению с советскими пушкинистами, привыкшими рассматривать тексты и поступки Пушкина с точки зрения устоявшихся авторитетов – и к тому же воспитанными на идеологических стереотипах восприятия облика поэта и оценок его поступков и взглядов. Вот почему получилось так, что пушкинскими мистификациями занялись преимущественно *профессиональные аналитики* и именно в наши дни, когда давление этих стереотипов стало преодолимым. Практически все вышеназванные авторы, кроме Лациса, закончившего не только историко-архивный, но и Литературный институт им. А.М.Горького, не являются профессиональными филологами (Барков по базовому образованию был горным инженером, по основной профессии – *аналитиком*, академик Петраков – *математик и экономист*, академик Чудинов – *кандидат физико-математических наук и специалист по славянской мифологии и палеографии*, Буслова окончила Московский авиационный институт и по базовому образованию – *инженер*).

VI

Незадолго до смерти Н.Я.Эйдельман заявил во всеуслышание, что у Пушкина остались неразгаданными 40 тайн и еще одна, главная, 41-я, – *ключ* к этим неразгаданным сорока. Что имел в виду известный историк и пушкинист? Думается, сегодня уже можно назвать этот ключ; работы лучших современных пушкинистов дают основание сказать: *Пушкин был одним из самых крупных и ярких мистификаторов в истории не только русской, но и мировой литературы.*

Как и во всем, Пушкин был гением и в мистификациях. Его страсть к розыгрышам и тайнам (не случайно он стал и членом масонской ложи) привела к тому, что практически все творчество зрелого Пушкина нами до сих пор воспринимается исключительно на интуитивном уровне, а к истинным замыслам его главных произведений мы подбираемся только сегодня. Мало того, выстраивая и свою жизнь и судьбу, как литературу, Пушкин был автором и главных мифов о себе самом – *от происхождения до смерти*, мистифицируя и современников, и потомков. Этот шлейф тайн, сопровождавших жизнь и творчество Пушкина, и составляет его, *пушкинскую Тайну*, присущую именно ему – и только ему; именно присутствием этой тайны только и можно объяснить горы книг, посвященных Пушкину, и бесчисленные попытки докопаться до причин дуэли и смерти поэта.

Пролить свет на Тайну Пушкина, показать, что она присутствовала практически на всех этапах его жизни и духовного пути и сообщала дополнительное измерение его произведениям и поступкам, – и есть задача этой книги.

Глава 1

Как пушкин нас брал на арапа

Против милой жена не утешит.

А.Пушкин

Семью не составляют из двух половин.

В.Лукьянов

I

Во времена Пушкина большинство браков совершалось не на небесах; в еще большей степени это относится к XVIII веку. Браки по расчету родителей были настолько обычным делом, что участь женщины того времени может вызывать только сочувствие. Поскольку браки были церковными и разводные дела находились в ведении синода, развестись было чрезвычайно трудно. Основанием для развода могло послужить прелюбодеяние, но если такого рода грех мужа обществом не осуждался и был практически ненаказуем, то прелюбодеяние жены могло стать основанием не только для развода, но и для жестокого наказания согрешившей женщины. При этом «виновная в прелюбодеянии жена осуждалась на всегашнее безбрачие, а мужу предоставлялось право вступить в новый брак. Замечательно, что относительно мужа подобных свидетельств практика Московской Консистории не представляет – обыкновенно ему назначается только наказание, а о воспрещении последующего брака умалчивается». (А.И.Загоревский, «Развод по русскому праву».) Помимо этого серьезного светского наказания (невозможность завести семью и детей, признанных обществом) назначалось еще и духовное – «семилетняя эпитимия с выдержанием год в монастыре. Бывали, впрочем случаи назначения 14-летней и 15-летней эпитимии».

О том, как предки и современники Пушкина относились к «институту брака», существует достаточное количество свидетельств. Например, *двоюродный дед Пушкина*, тяготясь супружескими обязанностями, бросил свою семью на произвол судьбы, даже не пытаясь довести дело до формального развода, и «не видел надобности скрывать своей связи с посторонней женщиной, – писала в своей работе «Предок Пушкина» Н.А.Белозерская. – Жалобы законной жены и ее хлопоты у Державина... мало тревожили *Петра Абрамовича Ганнибалы*. Он даже не опровергал приводимых против него фактов и заботился только об ограждении своих имущественных прав... Так смотрели на законный брак многие в те времена, особенно в высшем русском обществе», – продолжала исследовательница, ссылаясь на семейные истории трех фельдмаршалов Екатерининской эпохи: А.В.Суворова, графа М.Ф.Каменского и графа П.А.Румянцева-Задунайского.

Поскольку получить официальный развод было достаточно трудно даже высокопоставленным вельможам и, к тому же, любая такая попытка грозила общественным скандалом, в XVIII веке расходящиеся пары стали прибегать к самовольным разводам с помощью «разводных писем»: супруги давали друг другу нечто вроде «расписок» в том, что не видят смысла или возможности дальнейшей совместной супружеской жизни и впредь освобождают противоположную сторону от супружеских обязанностей, а брак считают уничтоженным. «По свидетельству современных мемуаров и записок, в царствование Екатерины II, помимо значительного числа формальных разводов, особенно увеличилось число супругов, живущих врозь со своими женами». Однако такой «развод» не был официальным, и в случае, если бы любой из таким

образом разошедшихся супругов попытался вступить в брак второй раз, это могло караться по закону как двоеженство («двоемужество»).

В борьбе с разводами Св. Синод в 1811 году принял указ, который ужесточал условия развода даже при прелюбодеянии одной из сторон: грех должен был подтверждаться на духовном суде, чтобы быть принятым за основание к разводу, причем собственное признание обвиненной в прелюбодеянии стороны доказательством не считалось (ст. 250 Устава Духовной Консистории), если оно не подтверждалось обстоятельствами дела.

Попытки обратиться за помощью в такого рода делах к императрице редко давали результат: Екатерина II старалась в дела синода не вмешиваться. Когда граф М.Воронцов, отец графини Строгановой, еще до оформления дочерью «бракоразводных писем» обратился по этому поводу к Екатерине, она ответила ему: «Это церковное дело, вступаться не могу и не буду... Гр. Строганов подобную просьбу с месяц назад подавал и тот же ответ получил; и хотя бы и желательно было, чтоб восстановить законное согласие между сими брачными, но в отсутствие жены его графини Анны Михайловны решено быть не может. С своей стороны в их волю отдаю жить вместе или разводиться: для меня все равно графиня Анна Михайловна называться ли будет Строганова или Воронцова».

Белозерская приводит и образец такого «разводного письма»: «Я нижеподписавшийся, – пишет граф А.С.Строганов, – даю супруге моей бракоразводное письмо, что мы по известной ей, яко бывшей моей супруге, и мне причинам положили с общаго нашего с нею, графиней Воронцовой, согласия оной (брак) разрушить, с тем чтобы, как ей, так и мне одному от другого быть во всю нашу оставшуюся жизнь свободну, не препятствуя один другому впредь избрать по склонности другую партию... и вступить в супружество. А как мы при сем нашем общем разрушении брака... сделали полный расчет и каждый свое к себе возвратили, то как ей графине Воронцовой по смерти моей от моих наследников не искать... равномерно по тому же и мне, ни при жизни ее, ни по смерти от ее наследников седьмой части не искать и по рядной возвращения ея имения не требовать и рядную совсем уничтожить. В чем в уверение я ей при свидетельстве избранных по нашей просьбе и согласию господах медиаторах: гр. Р.Л.Воронцове и кн. А.М.Голицыне, даю сие письмо, получив от нея другое к себе в равной сему моему силе».

Однако далеко не всегда подобные дела заканчивались мирно, с помощью ли утвержденного Синодом развода или при помощи «разводных писем». Часто браки не по обоюдной любви сопровождалась такими чудовищными издевательствами со стороны сильного пола, что эти подробности могут бросить в дрожь и любителей нынешних триллеров. И семейные истории предков Пушкина – и по отцовской, и по материнской линиям – в этом отношении не уступают современным «ужастикам».

«*Прадед мой Александр Петрович* (Пушкин. – В.К.) ... умер очень молод и в заточении, в припадке ревности или сумасшествия зарезав свою жену, находившуюся в родах, – писал Пушкин в «Начале автобиографии». – ...*Дед мой (Лев Александрович Пушкин. – В.К.)* был человек пылкий и жестокий. Первая жена его, урожденная Воейкова, умерла на соломе, заключенная им в домашнюю тюрьму за мнимую или настоящую ее связь с французом, бывшим учителем его сыновей, и которого он весьма феодально повесил на черном дворе. Вторая жена его, урожденная Чичерина, довольно от него натерпелась».

Отец поэта в 1840 году при опубликовании «Начала автобиографии», о существовании которого при жизни сына он не знал, решил вступить за честь рода и поместил в «Современнике» «опровержение», в котором, в частности, писал: «Рассказ о смерти на соломе в домашней тюрьме первой жены отца моего не заслуживает даже опровержения. Кто не знает, что в XVIII столетии таковыя тюрьмы не могли существовать в России и Москве? Правительство потерпело ли бы такое ужасное злоупотребление силы и власти? Родные ее не прибегли ли бы под защиту законов?»

Ответы на эти вопросы Сергея Львовича Пушкина дает семейная история *прадеда поэта по материнской линии Абрама Петровича Ганнибала*. Видимо, Пушкина настолько ужаснули «странности» его предков, что он счел необходимым написать о них откровенно, сделав их достоянием гласности и своим авторитетом заставив общество обратить внимание на положение женщины. Вообще и в переписке, и в своих произведениях Пушкин постоянно показывал, что он на стороне *свободной любви*, хотя, вполне в духе своего времени, сватался к Наталье Гончаровой, заведомо зная, что она не любит его, и не очень-то рассчитывая на то, что полюбит. О том, к чему это привело, речь впереди; здесь же нас интересуют прежде всего *предки* поэта.

II

«В семейственной жизни *прадед мой Ганнибал* (Абрам Петрович Ганнибал. – В.К.), – писал Пушкин в “Начале автобиографии”, – так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему *белую дочь*. Он с нею развелся и принудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза». На самом деле девочку называли Агриппиной, она родилась слабой и вскоре умерла. Однако же история развода Ганнибала с первой женой далеко не так проста, как это можно понять из слов «развелся и принудил постричься».

Абрам Ганнибал женился на дочери капитана галерного флота Андрея Диопера, гречанке Евдокии Диопер *против ее желания*, сговорившись с ее отцом; она мужа не только не любила, но и питала к нему отвращение, «понеже арап, – говорила она, – и не нашей породы». Отцу девушки Ганнибал казался весьма выгодной партией, а Ганнибал смотрел на свою женитьбу с общепринятой тогда (да и позже) точки зрения, которую автор исследования о предках Пушкина В.О.Михневич сформулировал так: «Ему девица понравилась, а нравился ли он ей – стоило ли на это обращать внимание?» В преддверии ненавистной ей свадьбы Евдокия сошлась с любимшим ее флотским поручиком Кайсаровым, которого и она любила и за которого хотела выйти замуж. Рождение «*белой дочери*» произвело в обществе в Пярну, куда она с мужем переехала, настоящий шок.

Ганнибал запер жену в сарае, держал ее там впроголодь, а время от времени забирал ее в дом, где в одной из комнат устроил пыточную: ввернул в стену кольца, к которым привязывал жену в подвешенном состоянии, и избивал ее батогами, плетью и розгами (ответ на вопросы Сергея Львовича). «Он “бил и мучил несчастную смертельными побоями необычно”, в тех видах, между прочим, чтобы принудить ее показать на суде, будто она, действительно, “с кондуктором Шишковым хотела его, Ганнибала, отравить”, ну, и – уж само собой разумеется – “блуд чинила”. Если же она всего этого не покажет, то “грозил ее, Евдокию, убить”, – писал исследователь, цитируя поздние показания Евдокии Диопер. – Это была уже чисто московская крючкотворная изысканность мести: заставить ненавистную жену самой, своими же руками, наложить мертвую петлю себе и своему любовнику на шею, оговором перед судом в покушении на отравление, за что следовала, по тогдашнему закону, смертная казнь. И злосчастная, истерзанная перновская Дездемона, действительно, вначале наклепала на себя и на Шишкова, при допросах в канцелярии, все, что только требовал от нея жестокий муж».

Ганнибал добивался развода через военный суд, который судить их не имел права – это была прерогатива синода; на время суда ее заключили в тюрьму, где она еще и голодала (осужденные питались тем, что им приносили родные, или милостыней, государственного финансирования на содержание таких «преступниц» не было). Желая продлить ее голодное существование, он затягивал решение суда, и только через пять лет, когда ему самому понадобилось оформить свои отношения со второй женой, добился быстрого решения дела. Он венчался с Христиной фон Шеберг, не дожидаясь, пока пярнусская «сентенция» будет утверждена петербургской высшей судебной властью; между тем Евдокия Диопер добилась, чтобы ее перевели в Петербург, где она нашла помощь, подала в синод челобитную, в которой отказалась от своих показаний в военном суде по поводу покушения на жизнь мужа как вынужденных его угрозами, признав за собой только прелюбодеяние, и даже была выпущена на поруки.

Синод счел развод недействительным, были наказаны и военное начальство, допустившее этот противозаконный процесс, и священник, венчавший Ганнибала со второй женой; Ганнибал был обвинен в двоеженстве, и неизвестно, как бы повернулось дело, если бы Евдокия не затеяла на свободе новый роман, в результате которого родила девочку и тем самым подтвер-

дила свою репутацию прелюбодеицы. Консистория присудила развести Ганнибала и Евдокию Диопер, она была подвергнута эпитимии и заключению в монастыре. На Ганнибала также была наложена эпитимия, и, кроме того, он был наказан денежным штрафом. Их бракоразводный процесс тянулся 21 год, окончательное решение по нему принимала Екатерина II.

Получив решение о разводе, Ганнибал смог, наконец, оформить второй брак и свое отцовство. «Вторая жена его, Христина фон Шеберх, – писал Пушкин, – ... родила ему множество черных детей обоего пола... *Шорн шорт*, говорила она, *делит мне шорн репят и дает им шертовск имя...*» Христина родила ему восемь детей – четырех дочерей и четырех сыновей, одним из которых и был ***Осип (Иосиф) Ганнибал, дед Пушкина.***

III

В «Рассказах бабушки» Е.П.Янковой, изданных в 1885 году и через 100 лет переизданных, есть пара абзацев, относящихся к Пушкину (ей доводилось видеть его в детстве) и к его происхождению. На это свидетельство часто ссылаются или о нем вспоминают, не подвергая сомнению его достоверность:

«Бабушка его со стороны матери (Надежды Осиповны Ганнибал) Марья Алексеевна, бывшая за Осипом Абрамовичем Ганнибалом, была дочь Алексея Федоровича Пушкина, женатого на Сарре Юрьевне Ржевской, и они между собой родством считались, оттого была и я с нею знакома, да, кроме того, видались мы еще у Грибоедовых. Когда она выходила за Ганнибала, то считали этот брак для молодой девушки неравным, и кто-то сложил по этому случаю стишки:

*Нашлась такая дура,
Что, не спросясь Амура,
Пошла за Визапур.*

Но с этим Визапуром, как называли Осипа Абрамовича (потому что он был сын арапа и крестника Петра Великого – Абрама Петровича), она жила счастливо, и вот их-то дочь и вышла за Сергея Львовича Пушкина».

Между тем в этом месте – по меньшей мере 4 неточности, а адрес «стишков» едва ли не перепутан; это и немудрено: ведь рассказы записывались со слов бабушки чуть ли не через 100 лет после описываемых событий, а переиздавались – через 200. Поэтому, ни в чем ее не упрекая, попробуем эти неточности исправить – в том числе и те, которые были повторены в комментариях к переизданию.

Во-первых, брак не был неравным и не мог считаться таковым, поскольку, хотя Ганнибал и не был знатен (в то время как дворянская родословная Пушкиных была 600-летней), имя сподвижника Петра I было, тем не менее, славным.

Во-вторых, Визапуром называли не Осипа Абрамовича Ганнибала, а выходца из Индии, князя Александра Порюс-Визапурского. Визапур был известным светским львом, был экстравагантен, и его поступки и поведение часто служили поводом для толков и сплетен, а некоторые привычки стали предметом подражания (например, прическа «а ля Визапур»). Это о нем строки в «Горе от ума»: *«Тот черномазенький, на ножках журавлиных...»*

В-третьих, «частушка» относилась не к бабушке поэта, а к купеческой дочери Надежде Сахаровой, которую в 1804 году выдали за Визапур. Попытку А.Лациса адресовать, вслед за Е.П.Янковой, эти «стишки» бабушке Пушкина и Александру Визапурскому следует признать ошибочной, поскольку **Марья Алексеевна Пушкина (1745 – 1818) вышла замуж за Осипа Ганнибала в 1772** году, когда Александру Визапuru по приводимым историками данным не было еще и 8 лет. Соответственно и поправка Лациса (он полагал, что в этих «стишках» следует читать не «Амура», а «Авгура» – то есть *«не спросясь совета»*) неверна, поскольку «частушка» вполне соответствовала реальной жизненной ситуации: Надежда Сахарова вышла за Визапuru **не по любви** – то есть *«не спросясь Амура»*), она была выдана за него отцом из-за его тщеславного желания породниться с княжеской семьей. Однако, учитывая обнаруженный Лацисом факт, что имение Визапуров находилось по соседству с имением Ганнибалов Суйдой, и что не один же оказался в тот момент в России 8-летний мальчик – у него мог быть старший брат или отец, – версии Лациса в этом пункте все же окончательно отказано быть не может.

Что же касается утверждения Янковой, что с Осипом Абрамовичем Ганнибалом Марья Алексеевна «жила счастливо», то, как мы увидим, оно тоже не соответствует действительности.

Судя по всему, она вышла за Ганнибала тоже *«не спросясь Амура»*: ей было 27 лет, и, если бы не это замужество, ей грозило остаться в девках.

Осип Абрамович Ганнибал в своей семейной жизни *повторил судьбу своего отца*, вплоть до долгого бракоразводного процесса и двоеженства. Марья Алексеевна, в свою очередь, родила Осипу Ганнибалу *белую дочь*, что стало для него неоспоримым доказательством и без того подозревавшейся ее измены, а через год после рождения дочери она сбежала от него к родителям, попросив в письме только отдать ей дочь, без каких либо материальных претензий.

В 1938 году проф. П.И.Люблинский в «Литературном Архиве» АН СССР опубликовал обзор «Из семейного прошлого предков Пушкина», в котором привел не только письма и документы, но и консисторское дело по их бракоразводному процессу; эта публикация и привела Лациса к соответствующим выводам относительно происхождения и некоторых произведений Пушкина.

Уехав от мужа, 18 мая 1776 года Марья Алексеевна посылает ему «разводное письмо»:

«Государь мой Осип Абрамович!.. Уже я решилась более вам своей особою тягости не делать, а растатся на век и вас оставить от моих претензий во всем свободна... От вас и от наследников ваших ничего ни как требовать не буду, и с тем остаюсь с достойным для вас почтением, ваша, государь, покорная услужница, Марья Ганнибалова.

Во уверение сего и что оное письмо подписано рукою сестры моей родной подписуюсь, орденского кирасирского полку подполковник Михайла Пушкин».

И вот что пишет Ганнибал в своем ответном «разводном письме» от 29 мая:

«Письмо ваше от 18-го числа сего мая я получил, коим... требуете только, чтоб отдать вам дочь вашу Надежду... и на оное имею объявить, что я издавна уж... нелюбовь ко мне чувствительно предвидел и увеличивишися ваши, в досаждение мое, и несносные для меня поступки и поньне от вас носил с крайним оскорблением; ...как себе от вас приемлю, так и вам оставляю от меня, свободу навеки; а дочь ваша Надежда припоручена от меня... управителю... для отдачи вам, которую и можете от него получить благопристойно, ...и затем желаю пользоваться вам златою волностию, а я в последняя называюсь муж ваш Иосиф Ганнибал».

Этим дважды повторенным *«дочь ваша»* Ганнибал недвусмысленно заявлял: он знает, что к отцовству Надежды отношения не имеет.

Вскоре отца Марьи Алексеевны разбил паралич, он умер, и она обращается к Екатерине II с жалобой на мужа за то, что супруг не оказывает ей материальной поддержки. Ганнибал, в одной из его челобитных государыне, как бы в ответ на эту жалобу, пишет:

«Всевышний возмездник знает совесть мою, знает так же произведение дочери моей».

Говоря о подозрениях Осипа Ганнибала по поводу *«произведения»* его дочери, Люблинский писал: «Кто может доказать, что они не могли быть искренними? При ином предположении нам будут совершенно непонятными тот тон и та горечь, какую наполнено его ответное письмо к жене».

Осип Ганнибал сошелся впоследствии с женщиной, которая, мало того, что опутала его со всех сторон, прежде всего – с денежной, так еще и подделала письмо о смерти Марьи Алексеевны, чтобы заставить его немедленно жениться – что он и сделал, не разведясь с законной женой. В результате он тоже оказался двоежцем, а развода так и не получил. «Новый брак деда моего объявлен был незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь (полагаю, здесь Пушкин мог быть неточен, судя по переписке, девочка была возвращена матери, его бабушке, *в годовалом возрасте*. – В.К.), а дедушка послан на службу в черноморский флот, – писал Пушкин. – Тридцать лет они жили раз но... Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре».

Апеллируя к Екатерине, супруги обвиняли друг друга. В разрешении их дела принимал активное участие старший сын Абрама Ганнибала, Иван Петрович Ганнибал, а в разборе их

прошений – Г.Р.Державин. Возможно, мы бы никогда и не узнали подробностей этой истории, когда бы не Пушкин, благодаря которому возник живой и неиссякаемый интерес исследователей и к его дальним предкам, и к его родителям.

IV

Выстраивая *версию цыганского происхождения Надежды Осиповны Ганнибал*, Лацис опирался в том числе и на предположение связи ее матери с Визапуром, который – как выходец из Индии – вполне мог быть *цыганом*. Рушит ли обнаруженная зыбкость этого предположения всю гипотезу Лациса? – Уверен, что нет – да и грош цена была бы этой версии, если бы она вся держалась на одном таком предположении. В цепочке фактов, использованных Лацисом, оно занимало место, которое теперь ждет исторической справки; но есть и другие факты, которые эту версию поддерживают.

«Разводная» переписка Осипа Ганнибала и его жены, Марьи Алексеевны, как минимум ставит под сомнение «арапское» происхождение Пушкина по линии матери. Поскольку никаких документальных данных, хоть в какой-то мере проливающих свет на такого рода сомнения, не обнаружено – да и, вероятнее всего, обнаружено не будет, – приходится обращаться к косвенным свидетельствам, прежде всего – к произведениям поэта. К ним могут относиться также свидетельства современников о расовых отличиях – если они имели место (о внешнем виде и цвете кожи матери Пушкина и самого поэта, их потомков) и о характерных национальных (ментальных) чертах или наследственных болезнях.

Прежде всего рассмотрим, как проявлялось у *потомков Ганнибала* их африканское происхождение – и проявлялось ли оно вообще. Надо сказать, «шорни репята» были не так черны, как думают многие. «Арап Петра Великого» Абрам Петрович Ганнибал был родом из Абиссинии (нынешней Эфиопии), жители которой отличаются от негров менее темным цветом кожи, правильным носом, чертами лица вообще более утонченными – *«средними» между семитскими и негритянскими*. По воспоминаниям Аделаиды Александровны Конден, правнучки А.П.Ганнибала, ее бабушка рассказывала, что у Абрама Петровича Ганнибала и его детей цвет кожи был – *кофе с молоком*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.